

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3(470.67)

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ

М.М. Шахбанова,
А.З. Нурилова

Институт ИАЭ ДНЦРАН, Махачкала.
ДГТУ, Махачкала

madina2405@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается место религиозной идентичности дагестанских народов в структуре социальной идентичности, установлено соотношение типов социальной идентичности и индикаторов воспроизводства религиозной идентичности.

Abstract. The article covers the place of religious identity of Dagestan people in the structure of social identity. The authors have ascertained the correlation of the types of social identity and indices of reproduction of religious identity.

Ключевые слова: дагестанские верующие, дагестанские народы, ислам, религиозная идентичность, отношение к религии, православие.

Keywords: Dagestan faithful, Dagestan people, Islam, religious identity, religious orientation, Orthodoxy.

Последствия современных политических, экономических и социальных трансформаций понижают градус неопределенности культурных и этнических идентичностей, которые все чаще и в большей степени содержат «примеси» классических религиозностей, подчеркивают исследователи. Это проявляется в том, что «люди стремятся демонстрировать принадлежность к корневым религиозным традициям своих социумов или этнических групп, причем к собственно религиозной вере это может и не иметь никакого отношения» (Каргина И.Г., С. 112).

В настоящее время не менее важным в российском обществе является определение численности людей, идентифицирующих себя с определенной религией (православие, ислам, католицизм, протестантизм и т.д.). Отсутствие в переписи населения данных об отношении к религии вынуждает исследователей оперировать результатами социологических опросов. Например, по данным Фонда «Общественное мнение» в 2000 г. доля православных христиан в России составляла 58 %, доля прочих христиан – 2 %, мусульман – 5 %, последователей других религий – 1%, неверующих – 31%.

По мнению исследователей, в начале 80-х гг. XX столетия религиозность населения в РСФСР определялась на уровне 25%. Сегодня на этом же уровне измеряется нерелигиозность, т.е. за короткий срок количественные показатели религиозности и нерелигиозности населения поменялись местами. По данным ВЦИОМ и Фонда «Общественное мнение», доля неверующих россиян сократилась в период с 1989 г. по 2002 г. с 53% до 31%. По данным Отдела стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, доля неверующих снизилась в 1999–2005 гг. с 31% до 22% (см. таб. № 1) (Чеснокова В.Ф., 2005. С. 8).

Увеличение степени религиозности уточняется понятием «о номинальности религиозных ориентаций людей», называющих себя верующими, которое подтверждается тем, что «доля воцерковленных людей значительно меньше, чем доля религиозного населения. Но, во-первых, доля «церковного народа» составляет не 5–7%, как утверждается во многих исследованиях, а 29%. Во-вторых, качественные изменения идут вслед за количественными и осуществляются медленно»

(Локосов В.В., Синелина Ю.Ю., 2008. С. 137). При этом «уровень религиозности «использовал» экстенсивный потенциал роста и приближается к своей естественной границе, которая примерно находится на отметке 80%. Далее начинается экстенсивный рост – воцерковление населения, которое тоже имеет свои ограничения» (Локосов В.В., Синелина Ю.Ю., 2008. С. 137). Вместе с тем в России существует опасность политизации межрелигиозных отношений, и характерное для исламских республик распространение радикальных течений является угрозой сохранению межнациональной, религиозной, политической и социальной стабильности.

При изучении отношения к религии, исследователи подчеркивают важность применения критерия культурной религиозности, по которому, например, дагестанские народы являются приверженцами мусульманской религии, без подразделения их на суннитов и шиитов, не говоря о мазхабах. На тесную связь этнического и религиозного компонентов в идентификационных процессах обращает внимание А. Малашенко: «влияние ислама на формирование идентичности кавказцев в 90-е гг. возросло. В наибольшей степени это характерно для чеченцев, ингушей, этносов Дагестана, а также карачаевцев и балкарцев. В Дагестане число тех, кто считает себя верующим, в постсоветский период колебалось в пределах от 81% до 95%» (Малашенко А.В., 2001. С. 62). Иными словами, отечественной науке характерно рассматривать религию как существенный элемент культурного наследия, и из такого подхода необходимо вытекает понимание религии как неотъемлемого компонента в процессах воспроизводства этнической идентичности. Поэтому в иерархии этнообъединяющих маркеров «религиозная самоидентификация выступает устойчивым элементом построения этнической идентичности, вносит существенный вклад в формирование чувства «мы». Общая вера является значимым символом этногрупповой солидарности» (Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха., 2012. С. 62). Однако, несмотря на то, что религия не выполняет роль ведущего этноинтегрирующего и этнодифференцирующего маркера, ее значимость в процессах становления этнической идентичности довольно высока.

Исходя из роста исламского компонента в процессах этнокультурной идентификации мусульманских народов Северного Кавказа, А.В. Малашенко выделяет несколько ее уровней. На *первом уровне* («личностном») важным является вера во Всевышнего, хотя «получить объективные сведения на сей счет непросто даже при социологических опросах. Свидетельством в пользу роста религиозности служит то, что она всегда усиливается при обострении ситуации в обществе, во время войны, т.е. тогда, когда человек нуждается в дополнительной защите, в покровительстве высшей силы, которая дает ему душевный покой и, апелляция к которой способна оправдать многие, в том числе спорные с точки зрения общественной морали поступки». *Второй уровень*, на котором реализуется влияние ислама на северокавказскую идентичность, – традиционно-обрядовый. Здесь степень приобщенности к исламу определяется регулярностью совершения обрядов, соблюдением исламских нормативов поведения, в том числе разного рода запретов. По данным на 1995г., среди кавказских мусульман наибольшее значение соблюдению обрядности придают даргинцы (43%), чеченцы (36%), аварцы (34%) и ингуши (28%) (Малашенко А.В., 2001. С. 63).

При рассмотрении типов социальной идентичности возникает вопрос о соотношении, входящих в ее структуру, разных типов идентичности. По мнению П.И. Пучкова, «этнические и конфессиональные общности – два разных вида социальных общностей людей. Нередко они функционируют на одном территориальном пространстве и представлены в одной совокупности людей. При этом, границы между этими видами общностей иногда причудливо пересекаются между собой» (Пучков П.И., 2008. С. 110).

В связи с вышесказанным, в рамках данной статьи для нас интерес представляет процесс взаимного влияния, вернее, значимость этнической и религиозной идентичностей в массовом сознании дагестанских народов, выявление существующей между ними связи.

Характеристика выборки социологического исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и религиозного поведения дагестанских народов проведен в 2014 г. в Ботлихском (с. *Ботлих*), Дербентском (п. *Белиджи*), Казбековском (с. *Дылым*), Кизилюртовском (с. *Зубутли-Миатли*), Хасавюртовском районах (с. *Муцалаул*), гг. Дербент, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. N – 904.

Уже было отмечено, что религия, как неотъемлемая часть традиционного культурного наследия, является значимым элементом этнической идентичности. На взгляд авторов статьи, не совсем правильным является рассмотрение актуализации мусульманской идентичности не как возрастающей религиозной активности населения и его возврат к мусульманской вере, а скорее

как повышение потребности в устойчивых культурно-цивилизированных характеристиках в жизни индивида и общества (Российская повседневность в условиях кризиса., 2009. С. 134). Мы придерживаемся позиции, что наряду с такими критериями этнической принадлежности как «язык», «культура», «обычай и обряды», «территория (родная земля, природа)», религиозная самоидентификация выступает устойчивым элементом построения этнической идентичности и играет важную роль в процессах формирования этногрупповой солидарности. По мнению Л.С. Васильева, уже на самых ранних этапах развития общества в феномене этноцентризма наиболее наглядно проявилась интегрирующая функция религии: «любая этническая общность, объединенная системой единых верований, ритуалов, обрядов и мифов, считала именно свою систему норм эталоном, отклонение от которого в рамках данной общности считалось недопустимым, а в других общностях – достойным осуждения» (Васильев Л.С., 1983. С. 5).

В нашем социологическом исследовании респондентам был задан вопрос, позволяющий определить индикаторы воспроизводства этнической идентичности и место маркера «религия» в иерархии этноопределителей (см. таб. № 1).

Таблица № 1

Распределение ответов на вопрос «*Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?*» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Уровень религиозности	Убежденно верующий	Верующий	Колеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Национальный язык	66,4	66,3	56,3	47,6	50,0	65,2
Национальные традиции и обычаи	64,9	73,8	56,3	47,6	25,0	68,5
Совместная жизнь на определенной территории	43,8	41,4	29,2	33,3	25,0	41,4
Религия	58,6	54,6	37,5	28,6	0	54,3
Национальная литература, народное творчество, национальная музыка	23,8	29,5	35,4	42,9	0	27,8
Национальная одежда, жилище, быт	14,9	12,8	2,1	9,5	25,0	13,0
Историческая территория моего народа	27,4	25,6	27,1	9,5	25,0	26,0
Общность характера, схожесть поведения	24,1	27,3	22,9	23,8	25,0	25,7
Историческое прошлое	30,1	31,7	35,4	19,0	50,0	31,1
Ничего не объединяет	0,9	1,8	6,3	9,5	0	1,9

Приведенные в таблице № 1 результаты опроса показывают, что для «убежденно верующих» и «верующих» маркер «религия» имеет большое значение, в то время как в других подгруппах ее важность заметно ниже. В то же время можно констатировать, что независимо от религиозных убеждений респондентов, так называемые этнические признаки доминируют над индикатором «религия». При этом доля выбравших суждение «ничего не объединяет», относительно больше в подгруппах «колеблющихся» и «неверующих». Таким образом, для опрошенных дагестанских народов важнейшими этноинтегрирующими маркерами являются этнические признаки. Тип религиозности не влияет на выбор того или иного индикатора, несмотря, например, на отсутствие

в исламском вероучении дефиниции «этнос», при значимости понятия «умма», основанное именно на конфессиональной принадлежности человека.

Установление компонентов воспроизводства этнической идентичности предполагает выявление соотношения типов социальной идентичности и их выраженность в массовом сознании дагестанских народов (см. таб. № 2).

Таблица № 2

Распределение ответов на вопрос «*Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Представителем своего народа	Представителем дагестанского народа	Россиянином	Представителем Кавказа	Представителем своей религии (ислама, православия и т.д.)
Аварцы	16,4	26,9	33,0	4,6	20,4
Азербайджанцы	21,7	33,3	31,7	10,0	5,0
Даргинцы	19,5	37,7	19,5	5,2	18,2
Кумыки	14,8	44,3	18,0	6,6	14,8
Лакцы	22,2	33,3	22,2	11,1	18,5
Лезгины	16,8	32,8	30,7	10,2	12,4
Русские	24,1	24,1	48,1	5,6	3,7
Чеченцы	16,2	18,9	29,7	13,5	18,9
Другие	16,4	42,5	24,7	12,3	9,6
Всего:	18,0	31,1	31,1	7,3	14,6

По всей совокупности опрошенных, равные позиции имеют суждения «*представителем дагестанского народа*» и «*россиянином*», и по сравнению с социологическим опросом 2013 г., российская идентичность вплотную приблизилась к республиканской. Также можно заметить и укрепление позиций этнической идентичности. В то же время религиозная идентичность, «*осознание себя представителем своей религии*», занимает предпоследнее место, пропустив вперед другие типы социальной идентичности. Практически все опрошенные последовательны в своих позициях – подчеркнув важность маркера «религия» как этноопределятеля, они, хотя и не столь ярко, самоидентифицируются как последователи определенного вероучения. Из общего массива выделяются респонденты-азербайджанцы: каждый второй из опрошенных выделил «религию» как этноинтегрирующий маркер, однако среди них меньше всего осознающих себя «*представителем своей религии*», хотя доля «убежденно верующих» и «верующих» среди азербайджанцев довольно высока – 38,3% и 48,3%, соответственно, более того, позицию «*неверующие*» и «убежденно неверующие» не отметил ни один из опрошенных азербайджанцев. Аналогичное респондентам-азербайджанцам противоречивое поведение демонстрируют опрошенные русские, у которых по значимости маркер «религия» в иерархии этнопризнаков занимает четвертое место, но осознают себя «*представителем своей религии*» статистически незначимая доля.

Далее степень выраженности типов социальной идентичности показывает заданный респондентам «контрольный вопрос» (см. таб. № 3).

Таблица № 3

Распределение ответов на вопрос «С какими группами Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	С представителями своего народа	С представителями всех дагестанских народов	С россиянами	С людьми моей религии	С людьми одного возраста со мной	С людьми близкими мне по политическим взглядам	С людьми моей профессии	Ни с кем из перечисленных выше групп
Аварцы	25,0	37,0	25,3	42,3	9,3	5,6	12,0	0,6
Азербайджанцы	35,0	51,7	26,7	5,0	8,3	1,7	5,0	8,3
Даргинцы	26,0	49,4	20,8	29,9	11,7	6,5	6,5	1,3
Кумыки	26,2	59,0	13,1	14,8	4,9	4,9	4,9	1,6
Лакцы	25,9	63,0	14,8	25,9	14,8	0	14,8	0
Лезгины	30,7	51,1	28,5	19,7	13,1	8,8	2,9	1,5
Русские	27,8	37,0	22,2	10,2	30,6	13,0	20,4	2,8
Чеченцы	16,2	32,4	29,7	27,0	2,7	8,1	10,8	0
Другие	23,3	50,7	23,3	23,3	19,2	4,1	0	4,1
Всего:	26,5	44,4	24,0	28,1	13,6	6,5	9,3	1,6

Полученные на вопрос «С какими группами Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?» результаты показывают совершенно иное поведение опрошенных. Если в вопросе «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» в массовом сознании дагестанских народов, в равной степени, проявились республиканская и национально-гражданская типы идентичности, то чувство общности опрошенные ощущают с «представителями всех дагестанских народов». Данный фактор, с заметным отрывом, доминирует над другими. На второй позиции располагается чувство общности «с людьми моей религии» и на третьей – «с представителями своего народа», отодвинув на четвертое место ощущение чувства общности «с россиянами». Выделяются респонденты-аварцы, поставившие на первое место важность чувства общности «с представителями своей религии», у даргинцев этот фактор на втором месте, у чеченцев – на третьем месте. Последовательны в своих позициях опрошенные азербайджанцы и русские, у которых чувство общности «с людьми своей религии» находится на невысоком уровне, ее идентификационный «вес» заметно ниже, по сравнению с другими типами социальной идентичности. В отличие от носителей мусульманской религии, для православных важным является поколенческая идентичность, в форме осознания общности с людьми одного с ними возраста. Среди них выше доля отметивших сопричастность с людьми одной профессии и близких им по политическим взглядам. По сравнению с православными, в идентификационных процессах мусульман, чувства поколенческой, профессиональной и политической общности оказываются практически неважными – 11,3%, 7,8% и 5,7%, соответственно. Далее каждый четвертый опрошенный, исповедующий ислам и православие, подчеркивает значимость этнической идентичности; среди мусульман, по сравнению с православными (10,2%), в три раза больше осознающих свою сопричастность с представителями своей религии (30,5%). Таким образом, можно сделать вывод о наличии у опрошенных дагестанских народов глубоких расхождений при выборе оснований в определении типа социальной идентичности и чувства общности.

В разрезе отношения к религии «убежденно верующие», как и следовало ожидать, подчеркивают свою общность «с людьми своей религии» (42,3%), в отличие от «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих», для которых важнее чувство

общности «с представителями всех дагестанских народов» – 49,8%, 47,9%, 42,9% и 25,0%, соответственно. При этом, по сравнению с другими подгруппами, большей части «колеблющихся» (29,2%) и «неверующих» (38,1%) характерна демонстрация национально-государственной идентичности через ощущение общности «с россиянами».

Безусловно, исторически сложившееся переплетение религиозной и этнической принадлежности, следует учитывать при анализе отношения дагестанских верующих к национальным проблемам, поэтому в ходе исследования религиозной идентичности была поставлена задача определить статусы (значимость/незначимость) религиозной и национальной принадлежности и их соотношение в массовом сознании дагестанских народов (см. таб. № 4).

Таблица № 4

Распределение ответов на вопрос «*Какое из суждений для Вас важнее?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна только моя религиозная принадлежность	Для меня очень важна только моя национальная принадлежность	Для меня очень важны моя религиозная и национальная принадлежности	Для меня вообще не важны моя религиозная и национальная принадлежности
Аварцы	19,4	3,1	62,7	7,1
Азербайджанцы	20,0	10,0	48,3	13,3
Даргинцы	16,9	7,8	63,6	6,5
Кумыки	11,5	6,6	68,9	8,2
Лакцы	14,8	14,8	51,9	18,5
Лезгины	24,1	5,8	52,6	12,4
Русские	9,3	9,3	31,5	38,0
Чеченцы	37,8	5,4	40,5	8,1
Другие	19,2	5,5	54,8	9,6
Всего:	18,8	6,0	55,1	12,6

Полученные результаты опроса показывают характерную опрошенным «двойственную» или «множественную» идентичность, т.е. желание одновременно демонстрировать важность «национальной и религиозной принадлежности». Каждый второй опрошенный подчеркивает, что для него «очень важны религиозная и национальная принадлежности» и таковых больше среди аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев и лезгин. Разделяющих это суждение, по сравнению с другими опрошенными, относительно меньше среди русских, причем каждый третий из них с небольшой разницей подчеркивает противоречивые позиции: «для меня очень важны мои религиозная и национальная принадлежности» и «для меня вообще не важны мои религиозная и национальная принадлежности». Придерживающихся позиции «для меня очень важна только моя национальная принадлежность» меньше всего среди опрошенных аварцев и чеченцев. Сравнение полученных результатов по двум вопросам «С какими группами Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?» и «Какое из суждений для Вас важнее?» показывает существующую в массовом сознании опрошенных противоречивость: с одной стороны, наблюдается актуализация этнической идентичности дагестанских народов, важность осознания чувства общности с представителями своего народа, с другой стороны – респонденты подчеркивают незначимость конкретно национальной принадлежности, при превалировании позиции «для меня очень важны мои религиозная и национальная принадлежности», сопровождающийся тесной связью между этими двумя типами социальной идентичности. Иными словами, наше исследование демонстрирует яркое проявление этноконфессиональной идентичности у дагестанских народов. Исторически российским народам, в нашем случае дагестанским, характерно демонстрировать, вернее, отождествлять эти два фактора – национальный и конфессиональный: «часто на уровне обыденного сознания, понятие «мусульманин» приобретает не только религиозное, но и этническое содержание» (Курбанов М.Р.,

Курбанов Г.М., 1996. С. 60). Акцент на значимости своей национальной принадлежности делает статистически небольшая группа опрошенных среди «убежденно верующих» (5,4%) и «верующих» (4,6%); доля подчеркивающих важность этнической принадлежности среди «колеблющихся» и «неверующих» почти в 2–4 раза выше – 10,4% и 19,0%, соответственно.

Заметны расхождения между суждениями о важности национальной и религиозной принадлежности в разрезе отношения к религии. Подгруппы «убежденно верующих» (56,3%) и «верующих» (59,7%) подчеркивают важность «религиозной и национальной принадлежности», в отличие от «колеблющихся» (39,6%), «неверующих» (47,6%) и «убежденно неверующих» (100%) придерживающихся позиции «для меня вообще не важны мои религиозная и национальная принадлежности». Подгруппы мусульман (58,3%) и православных (31,5%) отмечают важность «национальной и религиозной принадлежности», хотя каждый пятый опрошенный среди мусульман подчеркивает важность только «религиозной принадлежности», а таковых среди православных каждый одиннадцатый опрошенный.

С целью более глубокого изучения значимости религиозной идентичности респондентам был задан «контрольный вопрос» (см. таб. № 5).

Таблица № 5

Распределение ответов на вопрос «**В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня не очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность
Аварцы	71,9	6,5	1,5
Азербайджанцы	46,7	21,7	1,7
Даргинцы	58,4	11,7	3,9
Кумыки	67,2	14,8	1,6
Лакцы	59,3	25,9	0
Лезгины	51,1	17,5	2,9
Русские	29,6	24,1	22,2
Чеченцы	62,2	5,4	0
Другие	57,5	17,8	2,7
Всего:	58,6	13,7	4,4

Конкретизация вопроса показывает изменение в суждениях респондентов: если в вопросе «**Какое из суждений для Вас важнее?**», опрошенным характерна демонстрация «двойственной идентичности», можно сказать этноконфессиональной идентичности, («для меня очень важны мои религиозная и национальная принадлежности»), то во втором вопросе, больше половины опрошенных подчеркивают суждение «для меня очень важна моя религиозная принадлежность», причем наблюдается рост значимости религиозной принадлежности даже в тех подгруппах, которые не выделяли маркер «религия» в качестве этноинтегрирующего компонента, не осознавали себя «представителем своей религии» и не испытывали чувство общности «с представителями своей религии».

В разрезе отношения к религии, «убежденно верующие» (70,8%) и «верующие» (57,5%) подчеркивают важность своей религиозной принадлежности, в то время как «колеблющиеся» (41,7%) и «неверующие» (38,1%) последовательны в своих позициях и отмечают – «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность»; «убежденно неверующим» (75,0%) ближе суждение «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность». Респонденты, исповедующие мусульманство, подчеркивают важность «религиозной принадлежности» (62,6%), а среди православных доля таковых в 2 раза меньше (29,6%). Надо отметить, что в позициях православных наблюдается «размытость» в определении статуса (важности/неважности) религиозной принадлежности: так каждый четвертый опрошенный (24,1%) придерживается суждения «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность», и каждый пятый (22,2%) «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность». По совокупности, суждения «для

меня не очень важна моя религиозная принадлежность» и «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность», в общественном сознании православных превалируют над позицией о значимости конфессиональной принадлежности. Разделяющих эти позиции среди мусульман, по сравнению с православными, значительно меньше – 12,3% и 2,0%, соответственно.

Не менее важным в ходе исследования является выявление существующих в массовом сознании тенденций относительно самоидентификации с конкретной религией и степенью религиозности, поэтому в ходе анализа были сопоставлены два вопроса «Вы верите в Бога?» и «К какой религии Вы себя относите?» (см. таб. № 6).

Таблица № 6

Распределение ответов на вопрос «Вы верите в Бога?» и «К какой религии Вы себя относите?» (%)

Варианты ответов	Я верю в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им	Я верю не в Аллаха (Бога), а в другие сверхъестественные и мистические силы	Я допускаю существование Аллаха (Бога) или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом	Я не верю в Аллаха (Бога), я атеист
Я отношу себя к исламу	97,0	0,8	1,5	0,1
Я отношу себя к православию	67,5	1,2	31,3	0
В Аллаха (Бога) верю, но не исповедую конкретную религию	60,6	3,0	33,3	0
Я себя ни к какой религии не отношу, я атеист	7,1	0	14,3	64,3
Всего:	91,2	0,9	6,0	1,2

Сравнение ответов на вышеназванные вопросы показывает, что доля самоидентифицирующихся с «исламом» и «православием», с верой «в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им» превалирует, однако имеет место и другая позиция – «я верю не в Аллаха (Бога), а в другие сверхъестественные и мистические силы». Последовательны в своих позициях атеисты, которые подчеркивают свою нерелигиозность, соответственно, не относят себя к какой-либо конкретной религии.

Далее, при большей доле опрошенных русских, ассоциирующих себя с последователями православия, меньше всего определивших себя как «убежденно верующие» (по сравнению с носителями ислама), в этой связи можно допустить предположение, что опрошенным русским характерно обозначение своей сопричастности с православной культурой и демонстрация культурной самоидентификации. Однако такой вывод не в полной мере будет соответствовать реальности, хотя бы потому, что возникает проблема их причисления к определенной группе по типу религиозности. Например, к какой категории относить людей, которые в зрелом возрасте принимают крещение, венчаются, в дни крупных православных праздников принимают участие в богослужениях, и в то же время о них нельзя сказать, что они ориентированы на поддержание активного культового поведения. Если вернуться к вопросу о культурной самоидентификации, то в ответах на вопрос: «Согласны ли Вы с суждением – *"религия моего народа есть составная часть культуры моего народа"*?» – каждый второй опрошенный среди русских дал утвердительный ответ, в то же время, каждый четвертый опрошенный не считает православие составной частью культуры своего народа. Можно сказать, что на первый взгляд складывается впечатление, что респонденты-русские демонстрируют несоответствие между самоидентификацией с конкретной религией и уровнем религиозности, однако пассивное культовое поведение опрошенных русских не является основанием для вывода, что у них невысокое проявление религиозности. Иными словами, в настоящее время наблюдается как рост, так и уменьшение количества верующих, сопровождающийся их самоидентификацией с определенной религией – исламом или православием. Однако эти процессы не свидетельствуют о

коренных и качественных сдвигах в мировоззрении: опрошенным характерно отождествлять себя с определенной религией, но при этом уровень выраженности их религиозности в полной мере не совпадает с требованиями исповедуемой ими религии. Поэтому возникает вопрос «Можно ли считать всех, кто обозначил свою конфессиональную принадлежность, реальными приверженцами конкретной религии?». В частности, в социологическом сообществе сформировалось устойчивое представление о том, что конфессиональная идентичность «православные» в том виде, как она сложилась в настоящее время, оказывается значительно шире, чем собственно религиозная идентичность «верующие» (См.: Зоркая Н., 2009. № 2; Синелина Ю.Ю., 2001. № 7; Кублицкая Е. А., 2009. № 4; Возьмитель А.А., 2007. № 2; Чеснокова В.Ф., 2005). Проявляется это в том, что количество людей, идентифицирующих себя как «православные», неуклонно растет – по данным Левада-Центра, с 17% в 1989 г. до 73% в 2009 г., приближаясь в процентном отношении к доле русского населения страны. Но при этом доля убежденных верующих среди православных, т.е. тех, кто безусловно верит в Бога (согласие с суждением «Я знаю, что Бог существует, и не испытываю в этом никаких сомнений»), значительно ниже доли православных по самоидентификации, и, отражая динамику роста православной идентичности, составляла в 2009 г. 42% (в 1991 г. 36%, в 1998 и 2008 г. 39%) (Зоркая Н., 2009. № 2. С. 72). В такой ситуации можно предположить, что «значительная, если не подавляющая, часть респондентов идентифицирует себя с тем или иным вероисповеданием скорее по случайным, нежели устойчивым религиозным и глубоким критериям, а иногда – просто формально» (Анурин В.Ф., 2013. № 1. С. 139). Если 71,3% респондентов-русских самоидентифицируются как последователи православной религии, то заметно ниже доля, выражающих степень своей религиозности «я верю в Бога, создавшего мир и управляющего им» (64,8%), и каждый третий опрошенный разделяет суждение «я допускаю существование Бога или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом».

Таким образом, полученные результаты социологического опроса показывают характерные для религиозности сложнейшие процессы: с одной стороны, проявление в массовом сознании опрошенных дагестанских народов чувства общности с «представителями всех дагестанских народов» и «осознание себя представителем дагестанского народа»; с другой, подчеркивается важность «религиозной и национальной принадлежности» (этноконфессиональная идентичность), с уточнением каждым вторым опрошенным – «для меня очень важна моя религиозная принадлежность».

При исследовании религиозного компонента однозначно возникает вопрос о роли религии в современном обществе, поэтому в опросе 2008 г. респондентам был задан вопрос «**Какое влияние оказывает религия на современную жизнь?**» (Шахбанова М.М., 2010. С. 212). По всему массиву, 72,0% опрошенных подчеркнули возможность религии в сохранении национальных традиций и обычаев, против 12,6% не согласных с этим тезисом. Среди тех, кто негативно оценил роль религии в сохранении традиционной культуры дагестанских народов, выделяются респонденты-лезгины и респонденты-лакцы – 36,0% и 34,3%, соответственно. Результаты опроса показывают наличие в массовом сознании дагестанских народов позитивной оценки роли религиозного фактора в сохранении культурно-исторического наследия дагестанских народов. Кроме того, мусульманские народы, в основной своей массе, многие религиозные предписания в бытовой сфере воспринимают как элементы национальной культуры своего народа.

Выводы:

1. Несмотря на то, что маркер «религия» не выполняет функцию ведущего этнообъединяющего и этнодифференцирующего фактора, при доминировании важности иных этнокультурных компонентов воспроизводства этнической идентичности («национальный язык», «национальные традиции и обычаи» и т.д.), ее место и роль является очень заметной в процессах формирования и выраженности этнической идентичности, потому что «бытовой ислам большинством населения воспринимается как определяющий, неотъемлемый элемент народных традиций, его влияние обеспечивается жестким общественным мнением» (Л.Н. Митрохин). Причем религия является очень важным компонентом в процессах укрепления внутригрупповой сплоченности, играет заметную роль в формировании этноконфессиональной идентичности.

2. В массовом сознании дагестанских верующих существует ориентация на общность религиозных ценностей, несмотря на высокий статус республиканского и российского типов идентичности. Причем, подчеркивается важность религиозной идентичности через самые различные индикаторы (этнообъединяющий признак, «религия моего народа есть составная часть культуры моего народа», важность учета религиозных убеждений и заповедей, исповедуемой религии в повседневной жизни, отождествление религиозной и этнической принадлежности

(этноконфессиональная идентичность)), что свидетельствует о важности религиозной идентичности дагестанских народов в иерархии типов социальной идентичности.

3. Заметных отличий в проявлении приоритетности различных типов социальной идентичности между дагестанскими мусульманами и дагестанскими православными не выявлено. Для первых, определяющим типом социальной идентичности является республиканский и этнический, в то время, как для православных – государственно-гражданская (каждый второй опрошенный), этническая и республиканская. Однако среди православных, по сравнению с мусульманами (30,5%), в 3 раза меньше ощущающих свою сопричастность с последователями одной с ними религии (10,2%). При этом, носители исламской религии слабо ощущают общность с людьми своего поколения, придерживающихся схожих политических взглядов и профессии. Наоборот, среди православных в 3–4 раза больше людей, ощущающих чувство поколенческой, политической и профессиональной общности. Такая подмена может быть обусловлена сохранением у исповедующих ислам традиционных семейных устоев и родственного единства поколений, которые, видимо православные в полной мере не сумели сохранить. Последователи ислама, в отличие от православных, в меньшей мере придают значение политическим взглядам, в то же время, обозначая значимость общности с представителями своей религии.

ЛИТЕРАТУРА

- Анурин В.Ф.* Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 135 – 146.
- Васильев Л. С.* История религий Востока. М., 1983. – 368.
- Возьмитель А.А.* Социология религии и образ жизни // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 110 – 117.
- Зоркая Н.* Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. 2009. № 2. С. 139 – 141.
- Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. – 97 с.
- Каргина И.Г.* Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108 – 115.
- Кублицкая Е.А.* Особенности религиозности в современной России // Социс. 2009. № 4. С. 96 – 104.
- Локосов В.В., Синелина Ю.Ю.* Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., 2008. С. 135 – 158.
- Курбанов М. Р., Курбанов Г. М.* Религия в культуре народов Дагестана. Махачкала, 1996.
- Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. – 180 с.
- Пучков П.И.* Соотношение этнического и конфессионального в России // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., 2008. С. 109 – 134.
- Российская повседневность в условиях кризиса. М., 2009. – 453 с.
- Синелина Ю.Ю.* О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 89 – 96.
- Чеснокова В.Ф.* Тесным путем. М., 2005. – 297 с.
- Шахбанова М.М.* Межэтническое общение и межнациональная толерантность в Республике Дагестан: состояние, тенденции и взаимовлияние. Махачкала, 2010. – 291 с.